

ЛОИЗИДУ (LOIZIDOU) против ТУРЦИИ

Судебное решение от 18 декабря 1996 г.

КРАТКОЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ ДЕЛА

А. Основные факты

Заявительница, гражданка Кипра г-жа Титина Лоизиду, выросла в Кирении на севере страны, где владела несколькими участками земли. В 1972 г. г-жа Лоизиду вышла замуж и переехала с мужем в Никосию. Начиная с 1974 г. она была лишена возможности доступа к указанной выше собственности из-за раздела Кипра на греческую и турецкую части.

19 марта 1989 г. женщины из организации греков-киприотов “За возвращение женщин домой” организовали шествие, заранее объявив о своем желании пересечь разделительную линию. Из Никосии участницы демонстрации прибыли в деревню Лимбия, где им удалось перейти буферную зону и линию расположения турецких войск. Некоторые женщины, включая г-жу Лоизиду, были арестованы полицейскими турецкой общины. В тот же день их освободили официальные представители ООН в Никосии, которые переправили их на территорию греческой общины.

В. Разбирательство в Комиссии по правам человека

Г-жа Лоизиду обратилась с жалобой в Комиссию 22 июля 1989 г., утверждая, что ее арест и задержание явились нарушением статей 3, 5 и 8 Конвенции. Она полагала также, что невозможность доступа к ее земельной собственности представляет собой длящееся нарушение статьи 1 Протокола № 1.

В докладе от 8 июля 1993 г. Комиссия выразила мнение об отсутствии нарушения статьи 3 Конвенции (единогласно), статьи 5 п. 1 Конвенции (девятью голосами против четырех), статьи 8 Конвенции в отношении личной жизни заявительницы (одиннадцатью голосами против двух), статьи 8 Конвенции в отношении местожительства заявительницы (девятью голосами против четырех) и статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (восемью голосами против пяти).

Это дело, переданное в Суд Правительством Кипра, было вторым, поскольку ранее, в марте 1995 г., Судом было рассмотрено другое дело *Лоизиду против Турции*, основным предметом которого были предварительные условия *ratione loci, ratione personae, ratione temporis*, а также некоторые другие вопросы, вытекавшие, как и предварительные условия, из ситуации, сложившейся на Кипре, и отказ Турции признать Турецкую Республику Северного Кипра своей составной частью (Reports, т. 310).

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗ СУДЕБНОГО РЕШЕНИЯ

ВОПРОСЫ ПРАВА

31. Г-жа Лоизиду и Правительство Кипра констатируют, что с начала турецкой оккупации северной части страны заявительнице было отказано в доступе к ее собственности. Соответственно она была лишена возможности распоряжаться ею по своему усмотрению. Создавшееся положение является неоправданным вмешательством в осуществление предусмотренного статьей 1 Протокола № 1 права заявительницы на беспрепятственное пользование своим имуществом, равно как и нарушением ее права на неприкосновенность жилища согласно статье 8 Конвенции.

Турецкое Правительство оспорило эту жалобу, подчеркнув прежде всего, что Суд не обладает компетенцией *ratione temporis* для ее рассмотрения.

I. Предварительное возражение Правительства

32. Суд напоминает о тех выводах и заключениях, которые были сделаны им в названном выше решении по предварительным возражениям Правительства в рамках настоящего дела. Тогда речь шла о том, что статья 46 Конвенции предоставляет государствам-участникам право ограничивать, как это сделала Турция в своей Декларации от 22 января 1990 г., юрисдикцию Суда рассмотрением фактов, которые имели место только после сдачи на хранение ратификационных грамот, и соответственно она распространяется лишь на те факты длящегося нарушения права собственности заявительницы, которые имели место после 22 января 1990 г. Суд должен теперь обратиться к решению по существу вопросов, поднятых возражением *ratione temporis* (см. решение по делу *Лоизиду против Турции* (предварительные возражения) от 23 марта 1995 г. Серия А, т. 310, с. 33—34, п. 102—105).

A. Текст заявления на основании статьи 46 Конвенции

33. В памятной записке по существу данного дела Правительство Кипра утверждает, что текст заявления Турции о ратификации допускает двойное толкование. Отсутствие запятой в последнем предложении после слова “факты” приводит к тому, что не ясно, относится ли фраза “которые имеют место после сдачи на хранение ратификационных грамот” к слову “факты” или к слову “решения” (см. п. 24 выше). Аналогичное замечание было сделано Правительством Кипра и о той части турецкого заявления, которое касается статьи 25 Конвенции. По утверждению кипрского Правительства, все органы, уполномоченные применять Конвенцию, осуществляя свою юрисдикцию, могут обращаться к фактам, предшествовавшим дате ратификации Конвенции, если только в заявлении о ратификации нет четкого и недвусмысленного ограничения *ratione temporis*. Однако, по утверждению Правительства Кипра, в данном случае этого нет.

34. Суд находит, что указанный довод не имеет под собой основания. По мнению Суда, если читать данный текст так, как это предлагает сделать Правительство Кипра, то тогда его последнее предложение станет совершенно непонятным. Суд полагает, что намерения Правительства Турции

исключить из компетенции Суда все вопросы, относящиеся к фактам, предшествовавшим дате сдачи на хранение ратификационных грамот в соответствии со статьей 46 Конвенции, совершенно очевидны из формулировки последнего предложения или вытекают из него логически. Именно таким образом интерпретировала Комиссия текст заявления Турции в отношении статьи 25 Конвенции (см. решение о приемлемости жалоб № 15299/89, 15300/89 и 15318/89 (объединены) по делу *Крисостомос, Папакрисостому и Лоизиду против Турции* от 4 марта 1991 г., (D.R. 68). п. 50—60, с. 250—251).

В. Другие доводы сторон

35. Со своей стороны Правительство Турции заявляет, что процесс “деприватизации собственности” в северной части Кипра начался в 1974 г. и принял затем форму необратимой экспроприации в силу статьи 159 (1)(b) Конституции Турецкой Республики Северный Кипр (ТРСК) от 7 мая 1985 г. (см. п. 18 выше). Такая экспроприация является оправданной с позиции международного права. В этой связи Правительство заявляет, что ТРСК является демократическим и конституционным государством. Конституция ТРСК была принята на референдуме. Республика основана турками-киприотами, которые боролись за свое право на самоопределение в процессе политических и административных преобразований в стране. Таким образом, ТРСК вправе свободно законодательствовать. Кроме того, автономный характер власти в северной части Кипра признан в нескольких решениях судов Великобритании (*Hesperides Hotels Ltd and Another v. Aegean Turkish Holidays Ltd and Another* (1977). *Weekly Law Reports*, v. 3, p. 656, а также *Polly Peck International Plc против Asil Nadir and Others*. *All England Reports*, 1992, v. 2, p. 238).

Посчитав законным задержание и арест заявителей в деле *Крисостомос и Папакрисостому против Турции*, Комиссия, а затем и Комитет Министров Совета Европы, признали действующими соответствующие законы ТРСК (см. доклад Комиссии от 8 июля 1993 г. п. 143—170 и Резолюцию ДН 245 от 19 октября 1995 г.).

По мнению Правительства Турции, г-жа Лоизиду, таким образом, фактически перестала владеть землей задолго до 22 января 1990 г., по меньшей мере начиная с 7 мая 1985 г. Решение Суда по делу *Папамихалоуцос и другие против Греции* от 24 июня 1993 г. (Серия А, т. 260-В), в котором Суд усмотрел длящееся вмешательство в право заявителя, было весьма примечательно, поскольку Правительство Греции не выдвигало никаких возражений *ratione temporis*.

Из сказанного следует, что в настоящем деле Суд должен учитывать оговорку, сделанную при ратификации относительно юрисдикции Суда в соответствии со статьей 46. Таким образом, Суд не должен в силу *ratione temporis* рассматривать жалобу заявительницы.

36. Г-жа Лоизиду, чья жалоба была поддержана Правительством Кипра, заявила, что начиная с 1974 г. она не имела доступа к своей собственности и что соответственно она потеряла над ней всякий контроль, и это свидетельствует о длящемся нарушении ее прав, признаваемых как органами Конвенции, так и рядом международных судов. Она подчеркнула, что при толковании Конвенции нужно следовать принципам международного права, а согласно им Конституция ТРСК 1985 г. является (и это признается мировым сообществом) недействительной, поскольку этот документ появился в результате неправомерного применения силы со стороны Турции. Кро-

ме того, политика турецких властей основывается на расовой дискриминации в нарушение статьи 14 Конвенции и норм обычного международного права. В связи с этим конфискационные нормы Конституции ТРСК не могут иметь юридической силы.

37. По заявлению Правительства Кипра, в течение вот уже длительного времени кипрские греки лишены права беспрепятственно пользоваться своей собственностью на оккупированной территории. Тем не менее Правительство отрицает, что данная ситуация привела к потере ими права собственности. В доказательство оно приводит Закон от 28 августа 1995 г. о порядке пользования землей и приравниваемой к ней собственности, целью которого, по заявлению Правительства, является уменьшение ограничений на собственность греков-киприотов на оккупированных территориях. Это также подтверждается тем фактом, что Турция в своем меморандуме, распространенном в Комитете министров в 1987 г., утверждала, что в северной части Кипра не было никакой конфискации греческой собственности.

38. Как объяснил представитель Комиссии на слушании по вопросу о предварительных возражениях, Комиссия считает, что жалобы г-жи Лоизиду по статье 1 Протокола № 1, а также статьи 8 Конвенции касаются в большинстве случаев нарушений, имеющих характер длящихся. Поэтому в письменных замечаниях по предварительным возражениям представитель Комиссии высказал мнение о том, что Суд компетентен рассматривать эти жалобы, поскольку они относятся и к периоду после 22 января 1990 г. Более того, на слушаниях по существу дела представитель Комиссии при поддержке заявительницы просил Суд рассмотреть вопрос о том, потеряла ли Турция право ссылаться на новые факты, касающиеся статей Конституции 1985 г., о которых не говорилось ранее во время разбирательства дела в Комиссии.

С. Оценка Суда

39. Относительно вопроса о потере Турцией права ссылаться на новые факты Суд отмечает, что ссылка на такие дополняющие и проясняющие факты, установленные ранее Комиссией, в принципе не исключается в ходе рассмотрения Судом жалобы по существу, если он посчитает, что эти новые факты имеют отношение к данному делу (см. решение по делу *Макмайкл против Соединенного Королевства* от 24 февраля 1995 г. Серия А, т. 307-Б, с. 51, п. 73, и решение по делу *Густафсон против Швеции* от 25 апреля 1996 г. Reports, 1996-II, с. 655, п. 51).

40. Несмотря на то что в настоящем деле вопрос о возражении *ratione temporis* был поставлен Правительством Турции во время разбирательства дела в Комиссии, в решении Комиссии от 4 марта 1991 г. о приемлемости жалобы не обсуждался и не анализировался вопрос о том, имели ли нарушения в отношении заявительницы длящийся, постоянный характер. Следует отметить, что этот вопрос, хотя и затрагивался в Суде на стадии обсуждения предварительных возражений, явился предметом детального анализа только во время разбирательства по существу дела, поскольку эти указанные выше новые факты были впервые упомянуты в меморандуме Правительства Турции, а также в приложениях к памятной записке Правительства Кипра. Учитывая вышеизложенное, Суд считает возможным неприменение правила пресекательного срока.

41. Суд напоминает, что он признал длящимся характер нарушения Конвенции, и это определило и временные рамки полномочий органов Конвенции (см. *inter alia* решение по делу *Папамихалопулос и другие против Греции* от 24 июня 1993 г., Серия А, т. 260-В, с. 69—70, п. 40 и 46, и *Агротексим и другие против Греции* от 24 октября 1995 г. Серия А, т. 330, с. 22, п. 58).

Таким образом, настоящее дело касается предполагаемых нарушений длящегося характера, если в свете статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции и статьи 8 Конвенции считать заявительницу (и Суд должен еще проанализировать этот вопрос) законным собственником земли.

42. Суд принял во внимание утверждение Правительства Турции о том, что “процесс “деприватизации” собственности в северной части Кипра начался в 1975 г. и перешел затем в стадию необратимой экспроприации в соответствии со статьей 159 Конституции ТРСК от 7 мая 1985 г.” (см. п. 35 выше). Формулировка этого утверждения означает, что с точки зрения Правительства Турции заявительница не потеряла права собственности на землю до 7 мая 1985 г. Если бы это было так, то Правительство Турции должно было объяснить, в какой форме и каким образом происходила потеря права собственности до 7 мая 1985 г. Поэтому в дальнейшем Суд, основываясь на заявлении турецкого Правительства, будет исходить из того, что потеря права собственности произошла в 1985 г. в силу статьи 159 Конституции ТРСК (см. п. 18 выше).

В этой связи Суд напоминает о Резолюции 541 (1983 г.) Совета Безопасности ООН, которая объявила создание ТРСК юридически недействительным и призвала мировое сообщество не признавать иного государства на Кипре, кроме Республики Кипр. С аналогичным призывом обратился Совет Безопасности в своей Резолюции 550 (принята 11 мая 1984 г.). В ноябре 1983 г. Комитет Министров Совета Европы также осудил создание ТРСК и призвал все страны мирового сообщества не признавать ТРСК (см. п. 19—21 выше). Аналогичную позицию заняло Европейское Сообщество (см. п. 22—23 выше). Более того, именно кипрское Правительство признается во всем мире в качестве законного Правительства Республики Кипр во всех дипломатических и договорных отношениях, а также деятельности международных организаций (см. решения Комиссии о приемлемости заявлений № 6780/74 и 6950/75 *Кипр против Турции* от 26 мая 1975 г. D.R. 2, с. 125, с. 148—149, а также № 8007/77 *Кипр против Турции* от 10 июля 1978 г. D.R. 13, с. 220).

43. Суд напоминает, что Конвенция должна толковаться на основе правил, установленных Венской Конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 г., статья 31 пункт 3(с) которой говорит о необходимости учитывать “любые соответствующие нормы международного права, применяемые в отношениях между участниками” (см. *inter alia* решение по делу *Голдер против Соединенного Королевства* от 21 февраля 1975 г. Серия А, т. 18, с. 14, п. 29, решение по делу *Джонстон и другие против Ирландии* от 18 декабря 1986 г. Серия А, т. 112, с. 24, п. 51, и вышеупомянутое решение по делу *Лоизиду* (предварительные возражения), с. 27, п. 73).

По мнению Суда, принципы, лежащие в основе Конвенции, не могут толковаться и применяться в отрыве от реального положения дел. Учитывая особый характер Конвенции как договора о правах человека, Суд должен также принимать во внимание все соответствующие нормы междуна-

родного права при решении спорных вопросов, касающихся компетенции Суда, во исполнение статьи 49 Конвенции.

44. С учетом международной практики и упомянутых выше ясных и резких формулировок резолюций о ситуации на Кипре (см. п. 42) становится совершенно очевидным, что мировое сообщество не считает ТРСК государством в смысле международного права. Только Правительство Республики Кипр является единственным легитимным на Кипре и соответственно обязано уважать международные нормы по защите прав человека, равно как и права национальных меньшинств. В подобных обстоятельствах Суд не может рассматривать как имеющие юридическую силу для целей Конвенции такие правовые нормы, как статья 159 Конституции ТРСК, на которую ссылается Правительство Турции.

45. Суд ограничивается приведенным выше заключением и не считает желательным, ни тем более необходимым, в данной ситуации высказывать общетеоретические суждения о законности законодательных и административных актов ТРСК. Тем не менее Суд отмечает, что при аналогичных обстоятельствах международное право признает законность некоторых юридических договоренностей и действий, например регистрации рождения, смерти и брака, “последствия которых могут игнорироваться лишь в ущерб жителям той или иной территории” (см. в этой связи консультативное мнение о юридических последствиях продолжающегося, несмотря на Резолюцию Совета Безопасности 276 (1970 г.), присутствия Южной Африки в Намибии (Международный Суд ООН, Reports, 1971, т. 16, с. 56, п. 125).

46. Следовательно заявительница не может считаться утратившей право собственности на основании статьи 159 Конституции ТРСК от 1985 г. Турецкое Правительство не представило никаких дополнительных доводов, равно как и Суд не обнаружил иных правовых положений и норм, которые могли бы повлечь за собой утрату заявительницей ее права собственности. В этой связи Суд отмечает, что законное Правительство Кипра последовательно заявляло и заявляет, что кипрские греки, в том числе и заявительница, владеющие недвижимостью в северной части Кипра, продолжают сохранять свой правовой титул и должны иметь возможность вновь свободно распоряжаться ею. Очевидно, именно такой позиции придерживается и г-жа Лоизиду.

47. Отсюда следует, что заявительница в свете статьи 1 Протокола № 1 и статьи 8 Конвенции должна продолжать рассматриваться в качестве законного собственника земли. Таким образом, Суд отклоняет возражение *ratione temporis*.

II. О предполагаемом нарушении статьи 1 Протокола № 1

48. Заявительница утверждает, что турецкое Правительство несет ответственность за длительный отказ ей в праве доступа к собственности в северной части Кипра и как следствие этого — за утрату контроля над собственностью. Г-жа Лоизиду видит в этой ситуации нарушение статьи 1 Протокола № 1, которая гласит:

“Каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества, иначе как в интересах общества и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения ни в коей мере не ущемляют права государства обеспечивать выполнение таких законов, какие ему представляются

необходимыми для осуществления контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других сборов или штрафов”.

А. Вопрос об ответственности

49. Продолжая свою аргументацию по вопросу о предварительных возражениях *ratione materiae* (решение по делу *Лоизиду против Турции*, предварительные возражения, см. п. 32 выше, с. 22—23, п. 57—58), г-жа Лоизиду настаивает на том, что настоящее дело является исключительным в том смысле, что власти, нарушившие ее право на беспрепятственное пользование имуществом, — это не единственно легитимное Правительство страны, на территории которой находится ее собственность. Эта особенность предполагает, что для определения того, отвечает ли Турция за нарушение прав заявительницы по статье 1 Протокола № 1 в отношении ее собственности в северной части Кипра, Суд должен принять во внимание принципы ответственности государства по международному праву. В этой связи г-жа Лоизиду высказала критические соображения по поводу того, что Комиссия уделила слишком много внимания вопросу о роли турецких должностных лиц, препятствовавших осуществлению ее права доступа к собственности. По ее убеждению, даже если будет доказано, что эти лица имели непосредственное отношение к нарушению, которое носило длительный характер, то ответственность самого государства в соответствии с принципами международного публичного права может в данном случае не возникнуть.

Далее заявительница утверждает, что концепция ответственности государства основана на реалистической идее, что государство должно отвечать за свои действия. Государство несет ответственность за все события, происходящие на его территории, даже если эти события имеют место вне пределов фактического контроля государства. Даже действия официальных лиц, квалифицируемые как превышение полномочий, могут повлечь за собой ответственность государства.

По утверждению г-жи Лоизиду, в соответствии с нормами международного права государство, признаваемое ответственным за определенную территорию, остается таковым, даже если на этой территории установлено местное управление. Такая правовая ситуация возможна независимо от того, является ли такое местное управление незаконным вследствие противоправного применения силы или оно легитимно, как в случае с протекторатом или иным видом зависимой территории. При этом государство не может путем передачи полномочий избежать ответственности за нарушение своих обязательств, особенно тех из них, которые, согласно статье 1 Конвенции, направлены на обеспечение гарантируемых Конвенцией прав и свобод.

Заявительница утверждает, что образование ТРСК является недействительным в юридическом отношении и что, за исключением Турции, ни одно государство или международная организация не признали ТРСК. Поскольку совершенно очевидно, что Республика Кипр не может нести ответственность за положение дел на оккупированной Турцией части острова, ответственность за это лежит на Турции. Иначе северная часть Кипра представляла бы собой правовой вакуум в плане ответственности за нарушение прав человека. Признание такого правового вакуума противоречило бы принципу эффективности защиты прав человека, лежащему в основе Конвенции. Существуют убедительные доказательства, что Турция полностью контро-

лирует оккупированную часть острова. Далее г-жа Лоизиду добавила также, что поскольку Суд на стадии рассмотрения предварительных возражений по настоящему делу пришел к выводу, что Турция обладает определенной юрисдикцией, то он тем самым презюмировал ответственность Турции за нарушения прав человека на оккупированной ею территории.

50. По заявлению Правительства Кипра, Турция осуществляет эффективный военный и политический контроль над северной частью страны. Соответственно, согласно нормам международного права, она не может отказаться от выполнения своих обязательств под предлогом передачи управления северной частью острова незаконному и марионеточному режиму.

51. Турецкое Правительство отрицает, что оно осуществляет юрисдикцию на территории северной части Кипра в том смысле, как это предусмотрено статьей 1 Конвенции. Во-первых, оно напоминает, что, как это признавалось в судебной практике Комиссии, юрисдикция Турции распространяется лишь на «пограничную область, а не на всю территорию северной части Кипра, находящуюся под контролем турков-киприотов» (см. решения Комиссии о приемлемости заявлений № 6780/74, 6950/75 и 8007/77, п. 42 выше). Во-вторых, Правительство опровергает доводы заявительницы относительно презумпции контроля и ответственности. В этом отношении весьма примечателен тот факт, что Комиссия в своем докладе от 8 июля 1993 г. по делу *Крисостомос и Папакрисостому против Турции* нашла, что арест, задержание и суд над заявителями, имевшие место в северной части Кипра, не вменялись в вину Турции. Более того, Комиссия не обнаружила признаков контроля со стороны турецких властей над тюремной администрацией, равно как и над отправлением правосудия властями турков-киприотов в деле заявительницы (см. п. 32 выше).

Одновременно Правительство Турции утверждает, что юрисдикция, о которой говорит статья 1 Конвенции, не равнозначна положению об ответственности государства в соответствии с нормами международного права. Статья 1 Конвенции не предполагает такого рода ответственности. По мнению турецкого Правительства, эта норма требует доказательства того, что оспариваемые действия действительно были совершены властями государства-ответчика или под их непосредственным контролем, а также что эти власти во время предполагаемого нарушения осуществляли эффективную юрисдикцию в отношении заявительницы.

Далее Правительство утверждает, что если рассматривать эти события под указанным выше углом зрения, то Турция вообще не могла осуществлять подобный контроль, и ее юрисдикция не распространялась на заявительницу, поскольку начиная с 22 января 1990 г. ответственность за ситуацию с собственностью заявительницы взяло на себя руководство турецкой общины Кипра, которая конституционным путем основала ТРСК и начала осуществлять юрисдикцию от имени ТРСК, а не турецкого государства.

В этой связи турецкое Правительство еще раз подчеркнуло, что ТРСК является демократическим и конституционным государством и не зависит в политическом отношении от любой другой суверенной страны, в том числе и от Турции. Управление ТРСК осуществляется не Турцией, а турками-киприотами во исполнение их права на самоопределение. Вооруженные силы Турции находятся в северной части Кипра только для защиты турков-киприотов с согласия руководства ТРСК. Турецкие вооруженные силы или турецкое Правительство не осуществляют функции управления Турецкой Республикой Северного Кипра. Чтобы оценить степень независимости ТРСК,

следует иметь в виду, что в стране существуют политические партии и осуществляются демократические выборы. Проект Конституции ТРСК был подготовлен Учредительным собранием и принят на общенародном референдуме.

52. В отношении вопроса о том, на кого ложится ответственность, Суд напоминает, что в решении по делу *Лоуизиду против Турции* (предварительные возражения, с. 23—24, п. 62) им было подчеркнуто, что согласно существующей судебной практике “юрисдикция” в соответствии со статьей 1 Конвенции не ограничивается национальными территориями государств — участников Конвенции. Ответственность государства-участника распространяется в равной степени и на те случаи, когда любое действие или бездействие его властей приводит к определенным последствиями за пределами его территории.

Применительно к настоящему делу Суд считает, что в свете принципов международного права об ответственности государства особенно важно, что вопрос о ней может возникнуть и тогда, когда в результате военных действий, законных или незаконных, государство получило возможность осуществлять эффективный контроль над территорией, находящейся за пределами его национальных границ.

Обязательства обеспечить на такой территории права и свободы, гарантируемые Конвенцией, вытекают из факта контроля над ней со стороны государства — члена Конвенции, независимо от того, осуществляется ли он вооруженными силами данной страны или эта территория контролируется подчиненной ему местной администрацией (см. решение по делу *Лоуизиду против Турции*, предварительные возражения, там же).

53. Далее Суд считает нужным рассмотреть конкретные вопросы настоящего дела, не упуская при этом из виду и общий контекст проблемы.

54. При решении вопроса, на кого ложится ответственность, для Суда важно то, что турецкое Правительство признало, что заявительница лишилась контроля над собственностью в результате оккупации северной части Кипра турецкими войсками и создания на этой территории Турецкой Республики Северного Кипра (см. вышеупомянутое решение, предварительные возражения, с. 24, п. 63). Кроме того, турецкое Правительство не оспаривает и тот факт, что турецкие силы неоднократно чинили препятствия заявительнице в отношении ее доступа к собственности (см. п. 12—13 выше).

Тем не менее турецкое Правительство во время судебного разбирательства неоднократно отрицало ответственность Турции по существу данного дела. Оно утверждало, что армейские подразделения Турции действовали исключительно с согласия и от имени независимых и суверенных властей ТРСК.

55. Суд напоминает, что согласно Конвенции установление и проверка фактов являются прежде всего задачей Комиссии (статья 28 п. 1 и статья 31). Однако Суд не связан выводами, сделанными Комиссией, и свободен в оценке фактов с учетом всех имеющихся в его распоряжении материалов (см. *inter alia* решение по делу *Круз Варас и другие против Швеции* от 20 марта 1991 г. Серия А, т. 201, с. 29, п. 74, решение по делу *Класс против Германии* от 22 сентября 1993 г. Серия А, т. 269, с. 17, п. 29, а также решение по делу *Маккан и другие против Соединенного Королевства* от 27 сентября 1995 г. Серия А, т. 324, с. 50, п. 168).

56. Комиссия считает, что из-за присутствия на Кипре турецких войск, которые осуществляют полный контроль над пограничной территорией, за-

заявительница лишилась, и надолго, права доступа в северную часть Кипра (см. отчет Комиссии от 8 июля 1993 г., с. 16, п. 93—95). Этот контроль, как следует из заключения Комиссии, касается главным образом свободы передвижений в пределах буферной зоны (см. п. 59 и 61 ниже). Однако Суд должен сам оценить материалы дела, чтобы решить, несет ли Турция вину за то, что заявительница была длительно лишена доступа к ее собственности и полностью утратила контроль над ней.

Нет необходимости устанавливать, действительно ли Турция, как полагают заявительница и кипрское Правительство, осуществляет контроль за политикой и действиями властей ТРСК. Совершенно очевидно, учитывая значительное количество турецких войск, находящихся в северной части Кипра (см. п. 16 выше), что турецкая армия полностью контролирует эту часть острова, что влечет за собой в обстоятельствах данного дела ответственность Турции за политику и действия властей ТРСК (см. п. 52 выше). Лица, которые на себе испытывали и испытывают результаты указанной политики и деятельности властей ТРСК, фактически оказываются под “юрисдикцией” Турции в смысле статьи 1 Конвенции. Таким образом, обязательства Турции по обеспечению гарантируемых Конвенцией прав и свобод распространяются и на северную часть Кипра.

Этот вывод освобождает Суд от необходимости высказываться по приведенным выше аргументам сторон относительно законности или незаконности в свете норм международного права военной интервенции Турции на Кипре в 1974 г. Как уже отмечалось, установление ответственности государства по Конвенции не требует подобного анализа (см. п. 52 выше). В этой связи достаточно напомнить, что мировое сообщество рассматривает Правительство Республики Кипр в качестве единственного законного Правительства на острове и неоднократно отказывалось признать легитимность ТРСК как государства в смысле международного права (см. п. 44 выше).

57. Как следует из приведенных выше соображений, длительное лишение заявительницы права доступа к ее собственности, находящейся в северной части Кипра, полная утрата ею контроля над своей собственностью подпадают под “юрисдикцию” Турции согласно статье 1 Конвенции. Таким образом, за подобную ситуацию ответственна Турция.

В. Вмешательство в право собственности

58. Заявительница и Правительство Кипра подчеркивают, что в противоположность толкованию Комиссии их жалоба не ограничивается лишением права доступа к собственности, а охватывает сложившуюся ситуацию в более широком контексте. Вопрос состоит в том, что г-жа Лоизиду из-за длящейся невозможности осуществить право доступа к собственности фактически утратила над ней всякий контроль, равно как и возможность использовать, продавать, завещать, закладывать, улучшать свою землю и просто радоваться жизни на ней. Подобная ситуация в соответствии с практикой Суда может рассматриваться как экспроприация собственности *de facto*. Заявительница и Правительство Кипра считают, что формальной экспроприации собственности не было, но имели место попытки фактической экспроприации, и соответствующие законодательные акты ТРСК несовместимы с международным правом.

59. С точки зрения турецкого Правительства и Комиссии, данное дело касается лишь доступа к собственности. При этом они считают, что право на

беспрепятственное пользование своим имуществом не включает в себя право на свободное передвижение по стране.

Турецкое Правительство заявляет также, что если Суд без учета *de facto* политической ситуации в стране примет решение о том, что г-жа Лоизиду имеет право на беспрепятственный доступ к собственности, то это нанесет ущерб ходу переговорного процесса между представителями обеих кипрских общин, что является сейчас единственным приемлемым способом решения кипрской проблемы.

60. В этой связи Суд отмечает, что из решения Комиссии о приемлемости заявления г-жи Лоизиду ясно, что ее жалоба по статье 1 Протокола № 1 не ограничивается вопросом физического доступа к собственности. Суть жалобы, как это следует из ее жалобы в Комиссию, состоит в том, что Турция, отказываясь предоставить г-же Лоизиду доступ к собственности, “постоянно, на протяжении последних шестнадцати лет, нарушает право заявительницы как собственника и, в частности, ее право на беспрепятственное пользование своим имуществом, что является нарушением статьи 1 Протокола № 1” (см. доклад Комиссии от 8 июля 1993 г., с. 21, и решение о приемлемости дела *Крисостомос, Папакрисостому и Лоизиду против Турции*. D.R. 68, с. 228).

61. С учетом изложенного Суд не может согласиться с тем, что жалоба заявительницы касается только нарушения ее права на свободу передвижения. Таким образом, статья 1 Протокола № 1 к данному делу применима.

62. В отношении вопроса, имело ли место нарушение статьи 1, Суд напоминает свой вывод о том, что для целей этой статьи заявительница должна рассматриваться в качестве законного собственника земли (см. п. 39—47 выше).

63. Поскольку заявительнице начиная с 1974 г. было отказано в праве доступа к собственности, она фактически полностью утратила над ней контроль, равно как и возможность пользоваться ею. Этот длящийся отказ должен рассматриваться как вмешательство в права, предусмотренные статьей 1 Протокола № 1. Подобное вмешательство с учетом исключительных обстоятельств настоящего дела, на которые ссылаются г-жа Лоизиду и Правительство Кипра (см. п. 49—50 выше), не может рассматриваться как лишение собственности или контроля за ее использованием в рамках первого и второго пунктов статьи 1 Протокола № 1. Однако оно, вне всякого сомнения, подпадает под действие нормы, содержащейся в первом предложении этой статьи, а именно является нарушением права на беспрепятственное пользование своим имуществом. В этой связи Суд считает, что фактическая невозможность осуществления этого права является таким же нарушением Конвенции, как и препятствие юридического характера (см. *mutatis mutandis* решение по делу *Эйри против Ирландии* от 9 октября 1979 г. Серия А, т. 32, с. 14, п. 25).

64. Кроме ссылки на доктрину необходимости для оправдания действий ТРСК, а также на то, что вопрос о правах собственности является предметом переговоров между греческой и турецкой общинами Кипра, турецкое Правительство не привело иных аргументов, оправдывающих вменяемое Турции в вину нарушение прав заявительницы на ее собственность.

Не было объяснено, каким образом необходимость расселения турков-киприотов, перемещенных из южных районов страны в 1974 г. на Кипр, может служить оправданием полного отрицания прав заявительницы на ее собственность, которое приняло форму категорического и длящегося отказа

в доступе к собственности с целью последующей ее экспроприации без предоставления компенсации.

Тот факт, что вопрос о праве собственности является предметом переговоров между двумя кипрскими общинами, также не может служить оправданием сложившейся ситуации в свете норм Конвенции.

В данных обстоятельствах Суд считает, что в настоящем деле имело место и продолжает существовать нарушение статьи 1 Протокола №1.

III. О предполагаемом нарушении статьи 8 Конвенции

65. Г-жа Лоизиду утверждает также, что имело место недопустимое вмешательство властей в ее право на уважение жилища в нарушение статьи 8 п. 1 Конвенции, которая *inter alia* гласит:

“Каждый человек имеет право на уважение его... жилища...”

В этой связи г-жа Лоизиду подчеркнула, что она выросла в Кирении, где в течение нескольких поколений жила ее семья. Отец и дед заявительницы были уважаемыми в округе лечащими врачами. В 1972 г. г-жа Лоизиду вышла замуж и переехала на постоянное жительство в Никосию. Тем не менее она хотела жить в одной из квартир дома, строительство которого началось в Кирении в 1974 г. В результате оккупации северной части Кипра (см. п. 12 выше) закончить строительство дома оказалось невозможным. Последующие события помешали ей вернуться в родной город.

66. Суд отмечает, что у заявительницы не было жилища на участке, о котором идет речь в настоящем деле. По мнению Суда, вряд ли можно отнести понятие “жилище” в смысле статьи 8 к земельному участку, на котором планировалось построить дом для последующего проживания в нем заявительницы. В равной степени это понятие нельзя использовать применительно к территории страны, где человек вырос и где когда-то жила его семья, однако сам он уже не живет.

Таким образом, Суд не находит нарушения прав заявительницы по статье 8 Конвенции.

IV. Применение статьи 50 Конвенции

67. Статья 50 Конвенции гласит:

“Если Суд установит, что решение или мера, принятые судебными или иными властями Высокой Договаривающейся Стороны, полностью или частично противоречат обязательствам, вытекающим из настоящей Конвенции, а также если внутреннее право упомянутой Стороны допускает лишь частичное возмещение последствий такого решения или такой меры, то решением Суда, если в этом есть необходимость, предусматривается справедливое возмещение потерпевшей стороне”.

68. Заявительница изложила в памятной записке следующие требования о возмещении ущерба: (a) 531 900 кипрских фунтов в возмещение материального ущерба, выразившегося в потере доходов от земли начиная с января 1987 г.; (b) компенсация морального ущерба — на сумму, эквивалентную указанной выше сумме материального ущерба; (c) предоставление возможности осуществлять в будущем свое право согласно статье 1 Протокола № 1; (d) судебные издержки и расходы без конкретного указания их суммы.

В своем меморандуме турецкое Правительство не высказалось по указанным вопросам. Не обсуждались эти вопросы и сторонами в Суде во время рассмотрения дела по существу.

69. В сложившихся исключительных обстоятельствах настоящего дела Суд полагает, что вопрос применения статьи 50 еще не готов для вынесения по нему решения. Поэтому этот вопрос необходимо отложить. Дальнейшая процедура его решения должна быть установлена с учетом возможности достижения соглашения между Правительством Турции и заявителем.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД

1. *Отклонил* одиннадцатью голосами против шести предварительное возражение *ratione temporis*;

2. *Постановил* одиннадцатью голосами против шести, что ответственность за отказ предоставить заявительнице доступ к ее собственности и за последующую утрату заявительницей контроля над этой собственностью ложится на Турцию;

3. *Постановил* одиннадцатью голосами против шести, что имеет место нарушение статьи 1 Протокола № 1;

4. *Постановил* единогласно, что отсутствует нарушение статьи 8 Конвенции;

5. *Постановил* единогласно, что вопрос о применимости статьи 50 Конвенции не готов для решения и соответственно.

(а) *отложил* этот вопрос;

(b) *пригласил* Правительство Турции и заявительницу представить в течение последующих шести месяцев свои письменные замечания по данному вопросу и, в частности, уведомить Суд о любом соглашении, которого они могли бы достичь;

(с) *отложил* дальнейшую процедуру и *делегировал* председателю палаты полномочия определить ее, если потребуется

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 18 декабря 1996 г.

Герберт Петцольд
Грефье

Рольф Риссдал
Председатель

В соответствии со статьей 51 п. 2 Конвенции и статьей 53 п. 2 Регламента Суда А к настоящему решению прилагаются отдельные мнения судей.

СОВПАДАЮЩЕЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ВИЛЬДХАБЕРА, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛСЯ СУДЬЯ РИССДАЛ

Суд специально не ответил на заявление Турции о том, что ТРСК была создана турками-киприотами, которые таким образом осуществили

свое право на самоопределение (см. п. 35 решения). Действительно, подобное заявление было обречено на провал.

До недавнего времени в международной практике право на самоопределение в практическом плане было идентично праву на деколонизацию и фактически сводилось только к нему. В последние годы возник консенсус в понимании того факта, что народ может также стремиться к самоопределению, если права человека систематически и грубо нарушаются, если он полностью лишен представительства или представлен явно недостаточно в органах власти, с помощью антидемократических и дискриминационных методов. Если это описание правильно, то право на самоопределение — это тот самый инструмент, способный служить восстановлению элементарных норм в области прав человека и демократии.

В данном случае Суд имеет дело с заявительницей, которая констатирует нарушения определенных положений Конвенции, а также с ответчиком, Правительством Турции, которое заявляет о праве ТРСК на самоопределение для того, чтобы снять с себя ответственность за эти нарушения. Суд сталкивается также с необходимостью считаться с мнением мирового сообщества, которое отказывается признать ТРСК, претендующую на право самоопределения.

Когда в 1983 г. мировое сообщество отказалось признать ТРСК в качестве нового государства — субъекта международного права (см. п. 42), оно безоговорочно отвергло притязания ТРСК на самоопределение путем отделения от Республики Кипр. В то время не существовала столь тесная связь между правом на самоопределение и необходимостью соблюдения международных правовых норм в области защиты прав человека и демократии, как это имеет место в настоящее время. ТРСК была создана на Кипре меньшинством населения, турками-киприотами, которые в настоящее время составляют большинство в северной части Кипра. Эта часть населения требует предоставления ей права на самоопределение. Однако, согласно Конституции 1985 г. Турецкой Республики Северного Кипра, сама она отказывается предоставить грекам-киприотам, проживающим на ее территории, право на самоопределение. Это положение позволяет сделать вывод о том, что в том случае, когда право на самоопределение не укрепляет и не восстанавливает права человека и демократические принципы для всех граждан и общественных структур, что имеет место в данном случае, нельзя не считаться с политикой непризнания ТРСК, проводимой мировым сообществом.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ БЕРНХАРДТА, К КОТОРОМУ ПРИСОЕДИНИЛСЯ СУДЬЯ ЛОПЕС РОХА

Я голосовал за принятие предварительного возражения *ratione temporis* и не согласен с решением Суда, который усматривает нарушение статьи 1 Протокола № 1. Прежде чем обсудить два основных аспекта дела, необходимо, на мой взгляд, сделать некоторые замечания общего характера.

1. Уникальная особенность данного дела заключается в том, что невозможно отделить конкретную ситуацию с заявительницей от сложного исторического развития и не менее сложной текущей ситуации на Кипре. Решение Суда фактически касается не только г-жи Лоизиду, но также тысяч или даже сотен тысяч греков-киприотов, у которых имеется или имелась

собственность в северной части Кипра. Оно может также затронуть и интересы турков-киприотов, которым препятствуют в получении доступа к их собственности в южной части Кипра. Наконец, это решение может отразиться и на представителях третьих стран, которым отказывают в возможности посещать те места, где у них тоже есть дома и имущество. Существование пограничной полосы между двумя частями Кипра приводит к весьма печальному положению, при котором значительное число людей оказывается лишенным доступа к своей собственности и к своему прежнему жилью.

Как и большинство судей Большой Палаты, я не сомневаюсь в том, что Турция несет значительную долю ответственности за создавшуюся ситуацию. Однако в эту драму вовлечены и другие действующие лица и события. Отправной точкой для нее послужил переворот 1974 г. на Кипре. За ним последовало вторжение на остров Турции, перемещение населения с севера на юг и с юга на север страны, а также другие события, одним из которых стало провозглашение так называемой Турецкой Республики Северного Кипра. Мировое сообщество отказалось признать ее в качестве суверенного государства. Результатом стало создание своего рода “железной стены”, существующей в течение вот уже более двух десятилетий. Ситуация на границе контролируется силами Организации Объединенных Наций. Все переговоры или попытки проведения переговоров по вопросу объединения Кипра до настоящего времени безуспешны. Кто несет за это ответственность? Лишь одна сторона? Можно ли дать ясный ответ на этот и ряд других вопросов, а также сделать соответствующие выводы с учетом действующих правовых положений?

Дело г-жи Лоизиду не является следствием конкретных действий турецких военных властей, направленных против ее собственности или свободы передвижения. Это — последствие создания границы в 1974 г., которая закрыта и поныне.

2. Турция согласилась с юрисдикцией Суда только в отношении тех фактов, которые имели место после 22 января 1990 г. Это исключает возможность юридической оценки событий, предшествующих этой дате, даже если они являются нарушением обязательств государства-ответчика в соответствии с Конвенцией.

Органы Конвенции согласились с понятием “длящегося нарушения”, т. е. нарушения, которое имело место до некоторой переходной даты и продолжается до настоящего времени. Я полностью согласен с такой концепцией, однако необходимо учитывать сферу и пределы ее применения. Так, если человек находился в тюрьме до и после переходной даты или если конкретное имущество было незаконно присвоено до нее и продолжает оставаться таковым в настоящее время (решение по делу Папамихалопулоса от 24 июня 1993 г. Серия А, т. 260-В), то подобное нарушение, безусловно, подпадает под юрисдикцию Суда, который должен проанализировать факты и обстоятельства, произошедшие после переходной даты. Главным в такого рода делах является фактическое поведение властей, которое в данном случае является несовместимым с обязательствами государства в соответствии с Европейской Конвенцией по правам человека.

Иная правовая ситуация возникает в том случае, если определенные исторические события приводят к таким обстоятельствам, как, например, закрытие границы, что в целом ряде случаев автоматически вызывает нежелательные последствия. В данном деле такие события произошли в 1974 г., когда для г-жи Лоизиду был закрыт доступ к ее собственности в

северной части Кипра. Эта правовая ситуация имела место до и после принятия в 1985 г. Конституции так называемой Турецкой Республики Северного Кипра, равно как и до начала экспроприации в соответствии с Конституцией. Я разделяю сомнения Суда (см. п. 45—47 решения) относительно законности экспроприации, однако это не является решающим фактором в данном деле. Турция признала юрисдикцию Суда только “в отношении фактов... которые имели место после сдачи на хранение настоящего заявления”. Закрытие границы в 1974 г., на мой взгляд, явилось существенным фактом. Поэтому не следует относить к понятию “длящегося нарушения” ситуацию, последовавшую за закрытием границы и продолжающуюся до настоящего времени.

В связи с этим выдвинутое Турцией предварительное возражение *ratione temporis* является, на мой взгляд, юридически достаточно обоснованным.

3. Даже если бы я присоединился по этому вопросу к большинству членов Суда, то все равно я не смог бы обнаружить нарушение статьи 1 Протокола № 1. Как я уже сказал выше, присутствие турецких войск в северной части Кипра — это лишь одно звено цепи чрезвычайно сложных событий. В решении о предварительных возражениях по делу Лоизиду (23 марта 1995 г. Reports, т. 310) говорится, что Турция может нести ответственность за конкретные действия на севере Кипра, совершенные турецкими военными или гражданскими лицами. Однако в данном случае мы столкнулись с особой ситуацией, а именно с существованием фактической границы, охраняемой войсками ООН, что делает невозможным для греков-киприотов посещение и проживание в своих домах на собственной земле в северной части острова. Присутствие турецких войск и поддержка Турцией ТРСК являются важным фактором сохранения нынешней ситуации. Тем не менее я не чувствую, что вправе согласиться с решением Суда, которое основано лишь на предположении того, что присутствие Турции на Кипре является незаконным и что Турция поэтому несет ответственность практически за все происходящее в северной части острова.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ БАКА

В настоящем деле весьма трудно определить, имело ли нарушение, являющееся объектом жалобы заявительницы, длительный характер или это был единичный акт экспроприации собственности заявительницы с долговременными последствиями. Я согласен с большинством моих коллег, что от ответа на этот вопрос зависит вынесение решения по предварительным возражениям Правительства *ratione temporis*.

Основываясь на фактах дела, я пришел к заключению, что г-жа Лоизиду полностью утратила контроль над собственностью в результате военных действий Турции в 1974 г. С того времени она уже не могла владеть и пользоваться собственностью, равно как и получить к ней доступ. Поэтому в данном случае можно говорить об экспроприации *de facto* ее собственности.

Тем не менее в период между 1974 и 1985 гг. заявительница сохраняла свой титул собственника. Она утратила право собственности по формальному акту экспроприации во исполнение статьи 159 (1) Конституции ТРСК от

7 мая 1985 г., целью которой было упорядочение существующей *de facto* ситуации.

Хотя я разделяю мнение Суда относительно непризнания ТРСК международным сообществом, а также юридических последствий такого непризнания, для меня важно, что на правовые нормы ссылалось Правительство. Дело в том, что в нашем случае правовая ситуация в отношении собственности весьма близка к той, которая существовала в бывших коммунистических странах Центральной и Восточной Европы. В этих странах, которые (и об этом не следует забывать) были признаны мировым сообществом, также в течение длительного времени шел процесс экспроприации собственности в соответствии с законами о национализации и другими правовыми актами. Подобные действия, которые привели к коренному переделу собственности в этих государствах, нельзя постоянно оправдывать лишь ссылками на то, что они в свое время были признаны мировым сообществом.

С другой стороны, нельзя считать, что статья 159 Конституции ТРСК и некоторые другие правовые акты полностью лишены юридической силы лишь потому, что мировое сообщество не признало ТРСК в качестве самостоятельного образования. Как справедливо отмечается в п. 45 решения Суда, международное право признает законность некоторых юридических договоренностей и правовых действий, “последствия которых могут игнорироваться лишь в ущерб жителям той или иной территории”. Однако истинный смысл этого тезиса (и об этом с полной очевидностью свидетельствуют недавние и весьма различные в правовом отношении акты по вопросам собственности в бывших коммунистических странах) все еще ожидает своего правильного толкования. Тем не менее данный принцип находит некоторое применение при решении вопросов с недвижимой собственностью в ситуациях, аналогичных тем, которые имеют место в ТРСК, когда интересы общества требуют, а может быть, и вынуждают власти осуществлять некоторое регулирование вопросов собственности. По моему мнению, Суд должен учитывать этот принцип, когда он решает вопрос о том, является ли создавшееся положение в отношении заявительницы следствием неприятия и непризнания законности передела собственности в целом после провозглашения ТРСК в 1985 г.

С учетом характера *de facto* экспроприации собственности заявительницы в период до 1985 г., равно как и соответствующих положений Конституции ТРСК 1985 г. по вопросам собственности, не могу согласиться с мнением Суда о том, что жалоба заявительницы касается длящейся ситуации. Поскольку юрисдикция Суда распространяется только на события, произошедшие после 22 января 1990 г., то возражение *ratione temporis* Правительства следует считать достаточно обоснованным.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ЯМБРЕКА

I.

1. В основе решения Суда по предварительным возражениям — возражение *ratione temporis*. Суд придерживался того мнения, что правильное толкование и применение соответствующих ограничений ставит сложные

вопросы права и факта по существу дела (п. 103 и 104 решения от 23 марта 1995 г.).

Отсюда следует, что Суд должен был прежде всего проанализировать утверждения заявительницы о том, что ее права на собственность продолжали нарушаться и после 22 января 1990 г., и определить, оставалась ли заявительница законным собственником земли. Это в свою очередь зависело от предварительного установления обстоятельств, при которых ее собственность была (или не была) утрачена до этой даты: произошло ли это путем принятия единичного акта, а если было так, то какого? Или заявительница фактически утратила собственность в результате длительного процесса, который закончился необратимой экспроприацией, основанной на статье 159 Конституции ТРСК от 7 мая 1985 г.?

2. Не могу согласиться с мнением большинства моих коллег, которые считают, что г-жа Лоизиду не могла утратить своего правового титула собственника и, следовательно, ее надо продолжать рассматривать в качестве собственника земли. С другой стороны, после анализа фактов, представленных заявительницей, государством-ответчиком, а также фактов, установленных Судом, я также не убежден и в противоположной точке зрения, т. е. в том, что заявительница утратила право на свою собственность. Соответственно эти сомнения не позволяют мне отклонить предварительное возражение *ratione temporis*.

3. По аналогичным причинам я также пребываю в сомнениях относительно того, привел ли отказ предоставить заявительнице доступ к собственности к полной утрате контроля над ней, т. е. к вмешательству в право заявительницы беспрепятственно пользоваться своим имуществом, которое предусмотрено статьей 1 Протокола № 1. Соответственно я не согласен с тем, что на Турцию должна быть возложена ответственность за отказ в доступе к собственности и в последующей утрате заявительницей контроля над собственностью, равно как и с тем, что имеет место нарушение статьи 1 Протокола № 1 (п. 2 и 3 постановляющей части решения).

4. При рассмотрении дела в Суде после голосования по предварительным возражениям и до голосования по существу дела возникла интересная ситуация, о которой я хочу сказать в качестве *obiter dictum* моего мнения.

Во время чтения памятной записки и во время слушаний мы стали свидетелями дискуссии, возникшей по поводу “точного” подсчета голосов членов Комиссии при рассмотрении вопроса о приемлемости и на заключительной стадии голосования по решению. Стало очевидным, что каждый член Комиссии мог выбрать любой из следующих трех вариантов: (а) постановить, что не было нарушения Конвенции, поскольку предварительные возражения обоснованы и нет необходимости рассматривать дело по существу; (b) не было нарушения и в силу обоснованности предварительных возражений, и в результате рассмотрения дела по существу; (c) имелось нарушение, на основании рассмотрения существа дела, хотя с предварительными возражениями можно согласиться.

Из восьми членов Комиссии, которые составляли большинство и голосовали за отсутствие нарушения статьи 1 Протокола № 1, трое согласились с отсутствием нарушения после рассмотрения существа дела. Пять членов Комиссии, голосовавшие за неприемлемость данного дела, (а) либо не обосновали своего мнения о наличии нарушения на стадии рассмотрения существа дела (позиция Правительства Кипра) или (b) обосновали свое мнение

по этому вопросу (кажется, это было мнение председателя Комиссии г-на Трекселя, хотя он и сформулировал его иначе).

Так или иначе, на первый взгляд представляются возможными две принципиальные позиции по данному вопросу:

(а) Первое — голосование о приемлемости заявления и предварительных возражениях Правительства и второе — по рассмотрению существа дела независимы друг от друга. С точки зрения процедуры вопрос о компетенции Суда представляется автономным, однако он никак не может быть таковым в отношении существа дела, учитывая фактические обстоятельства, законодательство или философские взгляды судьи. Например, судья может придерживаться принципа сдержанности и традиционно голосовать за предварительное возражение, придавая одновременно значение и существу дела.

Более того, если применить к данному делу “скандинавскую доктрину”, т. е. принцип уважения меньшинством решения большинства по делам, рассматриваемым в несколько этапов, как это имеет место в данном случае, то судья, оставшийся в меньшинстве по вопросу предварительных возражений, должен немедленно присоединиться к мнению большинства. Связанный решением о компетенции судья должен участвовать в решении дела по существу, выразив свое мнение и приняв участие в голосовании.

(b) Существует другая точка зрения, которая исходит из взаимозависимости указанных выше двух этапов голосования, т. е. голосования по вопросу о предварительных возражениях и по существу дела. Если судья убежден, что предварительное возражение хорошо обосновано, то он должен голосовать за отсутствие нарушения, поскольку, с его точки зрения, данная проблема находится вне компетенции Суда и, следовательно, Суд не должен принимать решение по существу дела. Если бы возобладали особое мнение такого судьи, то Суд не был бы обязан принимать решение, жалоба заявителя не была бы изучена по существу и соответственно не было бы обнаружено нарушения.

Настоящее дело отличается от двух приведенных выше вариантов в том смысле, что решение по предварительному возражению *ratione temporis* зависело от анализа некоторых аспектов существа дела. Поэтому выбор одного из двух вариантов не исчерпывал все возможности. Что касается меня, то я только после предварительного анализа фактов, которые были выявлены Судом и относились к вопросу права собственности и контроля над ней, пришел к выводу о том, что Суд не должен был решать это дело по существу в силу оговорки *ratione temporis*.

Мое несогласие со вторым и третьим пунктами постановляющей части решения обусловлено всеми теми доводами, которые приведены в пункте (b) выше, а также моим лишь частичным предварительным пониманием сути дела, равно как и некоторыми другими причинами, которые я привожу ниже.

II.

Предполагаемое первоначальное (“разовое”) нарушение, на мой взгляд, не дает представления об истинной правовой неопределенности событий, которые произошли еще в 1974 г. и даже раньше. Вряд ли Суд обладает достаточными возможностями и достаточной компетенцией, чтобы оценить с требуемой точностью, соответствует или нет вмешательство Турции меж-

дународным соглашениям, а также общим принципам международного права.

Я признателен моему коллеге судье Вильдхаберу за то, что он напомнил мне о следующем. Непризнание ТРСК со стороны ООН и других международных организаций имеет последствия на межгосударственном уровне. В результате правительство ТРСК не имеет возможности создать законодательство или изменить собственные юридические нормы, имеющие значение в сфере международного права. Однако было бы преувеличением утверждать, что правовые акты администрации ТРСК недействительны. Так, например, брак, заключенный официальными органами ТРСК и зарегистрированный на ее территории, имеет правовые последствия и за пределами юрисдикции ТРСК. Равным образом переход собственности от одного частного лица к другому в северной части Кипра, официально зарегистрированный ТРСК, будет иметь правовые последствия в любой стране мира.

Подобные ситуации возникали в прошлом и в других странах. Так, например, в процессе мирного урегулирования отношений между Чехословакией и Германией после Второй мировой войны было принято решение о том, что Мюнхенское соглашение не имеет законной силы. Однако сделки, связанные с передачей права собственности между частными лицами, сохраняли свою силу.

События, произошедшие на Северном Кипре в 1974 г., сами по себе не были достаточными, чтобы обосновать потерю г-жой Лоизиду своей собственности. Например, если бы предыдущий *status quo* был восстановлен в 1975 г. или в 1976 г., то заявительница не потеряла бы свою собственность. Однако *status quo* так и не восстановлен до сих пор. Хотя и может создаться впечатление, что г-жа Лоизиду не лишилась своей собственности в результате разового акта 1974 г., тем не менее представляется весьма спорным, что переход собственности в действительности не имел места.

Более ранняя судебная практика Суда всегда имела дело в подобных вопросах с конкретными ситуациями. Так, например, в решении по делу *Папамихалопулос и другие против Греции* от 24 июня 1993 г. вопрос касался отказа властей выполнить решение национального суда. В настоящем деле речь идет о другом, а именно о том, что право собственности г-жи Лоизиду было нарушено событиями 1974 г. или даже в результате последующего “перемещения собственности”.

Можно предположить, что по истечении некоторого времени произошедшие в ТРСК события могли бы привести к изменению права собственности, т. е. не было бы постоянного нарушения, продолжающегося до настоящего времени. Соответствующие законодательные акты, вероятно, уже были бы приняты в северной части Кипра к тому времени, когда Турция сделала заявление о признании юрисдикции Суда.

Доктрина “длящегося нарушения” предполагает начало, т. е. событие, составляющее первоначальное нарушение, а затем и продолжение подобных нарушений. В деле Титины Лоизиду Суд, по моему мнению, не смог найти должное место для обеих составляющих этой концепции. Такого рода рассуждение привело меня *inter alia* к заключению о применимости возражения *ratione temporis*.

6. Сложившееся в 1974 г. положение дел сохраняется и сейчас. До настоящего времени все еще не ясно, какая сторона конфликта или какое компромиссное решение будут иметь “окончательный успех”. Поскольку одна лишь долговременность контроля над территорией не может отождеств-

ляться с “окончательным успехом”, нет полной ясности в том, сохранится или нет *de facto* ТРСК, а если и сохранится, то в какой форме: федерация или конфедерация, независимое государство или иная форма. В любом случае законность правовых актов Турецкой Республики Северного Кипра в отношении заявительницы зависит от финала. Окончательный результат конфликта, в форме *post facto* международного или двустороннего урегулирования, должен будет так или иначе решить вопрос о признании законодательных актов ТРСК, принятых после создания республики и/или о возвращении к первоначальному статусу, предшествовавшему принятию этих актов.

7. Национальный или международный судья, прежде чем определить будет ли его позиция активной или сдержанной, должен, как правило, проанализировать, допускает ли дело единую точку зрения, готово ли оно для принятия решения или носит явно противоречивый или политический характер.

Возможно, что решение Суда повредит усилиям ООН, Совета Европы и других международных организаций в деле достижения мирного решения кипрской проблемы. Однако “политическая природа” данного дела не должна учитываться в свете возможных политических последствий окончательного решения. Все судебные решения, национальные и международные, имеют по меньшей мере некоторые социальные и политические последствия.

“Политическая природа” настоящего дела, с моей точки зрения, связана скорее всего с тем местом, которое занимают суды и, в частности, органы Конвенции в Страсбурге в системе разделения властей. При этом суды призваны играть роль, отличающуюся, например, от роли законодательных и исполнительных ветвей власти. Суды выносят решения в индивидуальных и конкретных случаях в соответствии с установленными правовыми нормами. Они в недостаточной степени предназначены для того, чтобы иметь дело с широкомасштабными и комплексными проблемами, которые, как правило, решаются посредством нормативных актов или путем проведения правовой реформы.

Точно такие же дилеммы стоят и перед международным судом, который, как мне представляется, должен осуществлять свою деятельность в несколько сдержанной, т. е. консервативной манере в вопросах, которые явно выходят за пределы конкретного дела, особенно когда они неразрывно связаны с конкретной структурой межобщинных отношений. Что касается данного конкретного дела, то решение Суда о нарушении статьи 1 Протокола № 1 может привести к появлению еще сотни тысяч подобных дел, где заявители будут иметь законные основания рассчитывать на то, что как Комиссия, так и Суд будут руководствоваться данным прецедентом. В нашем случае можно говорить о том, что Суд фактически принимает решение с далеко идущими последствиями по широкому кругу вопросов, затрагивающих международное публичное право.

8. Более того, настоящее дело может затронуть роль Суда в другом вопросе, по которому я имел честь обменяться мнениями с моим коллегой судьей Вильдхабером. Данное решение может повлиять на то, каким образом Суд будет рассматривать в будущем дела, касающиеся новых государств-участников, таких, как Хорватия, Босния и Герцеговина или Россия. Суду стоило бы проанализировать то, что происходит в хорватском районе Крайна, в Республике Сербия, в разных частях Боснии и Герцеговины или

в Чечне. В этих местах предполагаемые нарушения прав человека и основных свобод, на страже которых стоит Конвенция, возможно, исчисляются уже миллионами, а не “просто сотнями тысяч возможных судебных дел”.

Я испытываю глубокое уважение к принципиальной точке зрения, в соответствии с которой единственной задачей Суда является контроль за обеспечением основных прав человека, независимо от числа людей, в отношении которых имеет место нарушение прав. С другой стороны, как мне кажется, существуют многочисленные причины для того, чтобы серьезно проанализировать эффективность работы Суда в деле соблюдения прав человека. Проблема соблюдения прав человека приобретает еще более сложный характер, когда речь идет о таких индивидуальных делах, как, например, данное дело, которые неразрывно связаны с решением крупномасштабных межобщинных этнических и/или политических конфликтов.

9. В конечном счете вся совокупность указанных выше соображений заставляет меня занять сдержанную позицию в настоящем деле и согласиться с обоснованностью *exertio ratione temporis*.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПЕТТИТИ

“При рассмотрении предварительных возражений после соответствующих обсуждений во время открытого разбирательства, которое ограничивалось анализом сторонами этих возражений, Суд не смог принять во внимание всю полноту проблемы, и эти обстоятельства сыграли всю полноту включения всех этих возражений в существо вопроса. На сегодняшний день юристы-теоретики не считают анализ турецкого заявления простым делом (см. Claudio Zanghi, Christian Tomuschat, Walter Kalin, Pierre-Henri Imbert? Christopher Lush и др.).

Общая оценка ситуации, начиная с понятий суверенитета и юрисдикции, делает возможным пересмотр этих критериев (“оккупация”, “аннексия”, применение Женевских конвенций в северной части Кипра, “осуществление международных отношений”) на том основании, на котором ООГ проанализировала части Кипра в качестве государства, так и проблему применения Устава ООН (см. Резолюцию Совета Безопасности № 930). Ответственность органов Конвенции, когда они сталкиваются с такого рода трудностями, отражает взаимные обязательства государств-участников по обеспечению широкой защиты интересов индивидуумов и основных прав человека в соответствующих странах путем применения норм Конвенции согласно их целям и задачам” (Серия А, т. 310, с. 43—44).

“Естественно, что понятие юрисдикции не ограничивается территорией Высоких Договаривающихся Сторон. Эта концепция является необходимой для точного понимания причины того, почему юрисдикция должна иметь место в отношении государства-участника Конвенции, а также в какой форме и каким образом она должна осуществляться. Мы обращаем внимание на то, что в решении по делу *Дрозд и Янусек против Франции и Испании*, на которое имеется ссылка в п. 62, Суд вынес постановление об отсутствии нарушения.

Даже если ответственность государства-участника появляется в результате ведения им военных действий за пределами его территории, то это не предполагает осуществления его юрисдикции. Констатация фактов, приве-

денная в п. 64, не создает критериев для решения вопроса юрисдикции. Поэтому, по нашему мнению, существует противоречие между тем, что Суд утверждает в п. 62, и тем заключением, к которому он пришел в п. 64. Это противоречие возникает вновь при голосовании по п. 2 постановляющей части решения. Суд должен был вникнуть в существо вопроса, т. е. определить, кто обладал и кто не обладал юрисдикцией, прежде чем выносить решение по вопросу возражений” (мое особое мнение совместно с судьей Гелькюкю, с. 35).

Как и тогда, я высказываюсь в пользу поддержки возражения *ratione temporis*, а также различия между *ratione loci* и *ratione personae*.

Ни повторные обсуждения, ни памятные записки не внесли необходимой конкретности в оценку фактической стороны дела. Аргументы сторон, касающиеся Протокола № 1, также не внесли ясности в вопрос возложения ответственности за нарушение права пользования собственностью, хотя свободный доступ к собственности зависит от свободы передвижения из одной зоны в другую.

Большинство членов Суда обнаружило в данном деле нарушение статьи 1 Протокола № 1 главным образом вследствие отсутствия доступа в район Северного Кипра начиная с 1974 г., что привело к полной потере контроля над собственностью. Это право содержится в первом предложении указанной статьи. Большинство членов Суда считает, что подобное вмешательство властей не является оправданным, и высказывает критику в адрес турецкого Правительства, поскольку оно не смогло объяснить Суду, каким образом необходимость предоставления жилья беженцам из турецкой общины, изгнанным с их мест проживания после 1974 г., может оправдать меры, принятые против г-жи Лоизиду. Далее Суд заявил, что он не может согласиться с доводами, приводимыми в оправдание действий турецкого Правительства. В любом случае мне представляется, что эти рассуждения носят субсидиарный характер.

Если произошедшие события сделали операцию по переселению беженцев неизбежной, то этот факт может оправдать допущенное нарушение. В этом случае необходимо проанализировать фактическую сторону дела. Дело Лоизиду не может рассматриваться с тех позиций, как если бы речь шла о фактической экспроприации в обычных правовых рамках без выплаты компенсации. Переселение людей из одной зоны в другую, коснувшееся жителей обеих кипрских общин, происходило вследствие событий международного плана, причины которых лежат в сфере межгосударственных отношений, а не в тех или иных фактах дела г-жи Лоизиду.

Поскольку после 1974 г. Организация Объединенных Наций не дала оценку интервенции турецких войск в северной части Кипра как агрессии с точки зрения международного права, то по этой проблеме был проведен ряд переговоров при посредничестве ООН, Совета Европы и Европейского Союза. Суд не рассматривал вопрос о том, являлась ли такая интервенция законной (см. п. 50 решения). Размещение международных сил ООН вдоль границы между двумя общинами сделало невозможным передвижение людей из одной зоны в другую. Ответственность за это лежит не только на турецком Правительстве.

Ссылка Суда на мнение международного сообщества относительно Республики Кипр и ТРСК (см. п. 56 решения) не представляется ясной. Возможно ли в 1996 г. представлять мнение “международного сообщества” много-

летней давности как неоспоримое? По мнению Суда, получается, что одна только Турция несет ответственность за последствия конфликта 1974 г.! По моему мнению, столь сложная дипломатическая ситуация требует длительного и тщательного расследования роли международных сил непосредственно на месте делегацией Комиссии. Только после этого Суд сможет принять решение в соответствии со статьей 1 Конвенции.

Вопрос статуса и ответственности ТРСК необходимо было проанализировать более тщательно. Действительно, Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций не приняла ТРСК в ООН. Однако отсутствие признания не является препятствием к наделению ТРСК национальными и международными полномочиями (см. п. 51 решения). Данная ситуация напоминает случай с Тайванем.

Суд признает, что власти ТРСК принимали решения в области гражданского права, частного права, регистрации рождения, смерти, заключения брака. По существу жалобы г-жи Лоизиду существует множество неясностей, относительно которых во время заседания Суда так и не было дано ответа. Начиная с 1974 г. заявительница не приняла решение в отношении того, жить ли ей в северной части Кипра или обратиться в суды Республики Кипр для защиты своего права собственности с учетом того, что, по ее заявлению, только Республика Кипр обладает законной юрисдикцией и суверенитетом в отношении всего острова. Г-жа Лоизиду впервые обратилась в Комиссию в 1989 году. При этом она не представила доказательств того, что она ранее уже обращалась к представителям вооруженных сил ООН за разрешением пересечь границу и войти в северную часть Кипра. Ее заявление касалось в основном вопроса доступа к принадлежащей ей собственности. Потеря возможности пользоваться собственностью объясняется главным образом созданием пограничной зоны, а не акциями местных властей.

Суд был наделен соответствующей юрисдикцией только начиная с 22 января 1990 г. (п. 32 решения). Независимо от вопроса приемлемости формулировки Декларации Турции в соответствии со статьей 46 Конвенции, не является очевидным, что имело место постоянное нарушение права собственности г-жи Лоизиду. Напротив, такие нарушения имели лишь единичный характер в 1974 г. во время государственного переворота в период до фактической экспроприации собственности в 1985 г., которая была осуществлена местными властями, а также во время беспорядков в стране, на истоки которых Комиссия так и не смогла пролить свет. Таким образом, совершенно невозможно отделить вопрос о нарушении права собственности г-жи Лоизиду от исторической ситуации, в которой оказалась вся турецкая община на Кипре. Термин “длящееся нарушение” не соответствует истинному положению дел, и это было отмечено Комиссией в п. 97 и 98 ее доклада.

Следует отметить, что Комиссия ограничила расследования вопросом о том, осуществляет ли Турция юрисдикцию в пограничной зоне или на всей территории северной части Кипра (см. жалобы № 6780/74, 6950/75 и 8077/77). При этом Комиссия пришла к выводу о том, что задержание, арест и судебный процесс над заявительницей в указанных выше случаях не может быть вменен в вину Турции (см. п. 51 решения и п. 114 памятной записки турецкого Правительства). В докладе от 8 сентября 1993 г. Комиссия воздержалась от вынесения решения относительно статуса ТРСК.

Данное положение не имеет ничего общего с ситуацией, которую Суд определил как длящееся нарушение прав при рассмотрении таких дел, как

“Святые монастыри”. При этом следовало бы определить область и пределы применения понятия “длжащееся нарушение”.

Какой бы ни была ответственность сторон в 1974 г. после государственного переворота и ввода Турцией своих войск в северную часть Кипра, каковыми бы ни были нерешительные действия международного сообщества в подходе к международным проблемам, касающимся Кипра периода после 1974 г. и после образования ТРСК (равно как и после подачи Турцией заявления о приеме в Совет Европы), следует иметь в виду, что проблема взаимоотношений двух общин (которые не являются национальными меньшинствами в том смысле, как это понимается в соответствии с международным правом) относится в большей степени к политике и дипломатии, нежели к судебному расследованию изолированного дела г-жи Лоизиду и ее прав в соответствии с Протоколом № 1. Следует также упомянуть о том, что начиная с 1990 г. не было ни одной жалобы в Суд по вопросу взаимоотношений между обеими общинами на Кипре. Это является красноречивым свидетельством того, что государства — члены Совета Европы проявляют дипломатическую осторожность перед лицом хаотических исторических событий, которые только мудрость международного сообщества могла бы направить в нужное русло.

ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ГЭЛЬКЮКЛЮ

Я не согласен с большинством членов Суда по всем вопросам и в первую очередь по вопросу отклонения предварительного возражения *ratione temporis* Правительства Турции. Необходимость настоящего особого мнения объясняется прежде всего тем, что в данном деле имеются правовые и политические трудности, которые выходят за рамки концептуальных построений, созданных Конвенцией и всей практикой Суда.

1. Во-первых, в настоящем деле содержатся серьезные методологические ошибки. Как я уже указал в своем особом мнении относительно предварительных возражений по данному делу (решение от 23 марта 1995 г.), главной правовой проблемой в деле *Лоизиду против Турции* является вопрос юрисдикции и ответственности в смысле Конвенции. Суд не только не разрешает эту проблему, но и смело вторгается в политическую сферу деятельности, а именно в определение того, в каком качестве Турция присутствует в северной части Кипра. Одновременно Суд высказывает “мнение” о законности существования Турецкой Республики Северного Кипра. Оба эти вопроса находятся за пределами юрисдикции Суда. Их решение — дело других международных организаций. Иными словами, Суд создал свою собственную базу данных, с тем чтобы иметь возможность “принять решение” по делу, которое может стать прототипом серии подобных дел, которые, очевидно, должны решаться политическими организациями. Каждый раз, когда контролирующие органы Конвенции в Страсбурге имели дело с вопросами, касающимися применения международных договоров или соглашений, они всегда действовали с высокой степенью осторожности. При этом рассмотрение соответствующих жалоб никогда не выходило дальше стадии решения вопроса об их приемлемости. Интересно, например, что даже в настоящем деле Комиссия в своем докладе от 8 июля 1993 г. по жалобе заявительницы о том, что она была незаконно лишена собственности, бла-

горазумно констатировала следующее: “Комиссия считает, что в связи с настоящим делом нет необходимости исследовать статус “Турецкой Республики Северного Кипра”. Комиссия отметила, что демонстрация женщин 19 марта 1989 г., в ходе которой заявительница была арестована на территории северной части Кипра, явилась нарушением режима буферной зоны на Кипре... Правила, в соответствии с которыми заявительница была задержана и арестована... служат целям защиты этой зоны. Поэтому действия властей нельзя считать произволом” (см. п. 82 доклада Комиссии). Равным образом в докладе по делу *Крисостомос и Папакрисостому против Турции* Комиссия заявила: “...в задачу Комиссии не входит разрешение спора между сторонами относительно статуса того района, где были арестованы заявители. По этому вопросу Комиссия ссылается на п. 11 (b) доклада Генерального Секретаря Организации Объединенных Наций и на п. 6 Соглашения о демилитаризованной зоне 1989 г. ...” (см. п. 153 доклада Комиссии).

2. Что касается вопросов юрисдикции, то решение Суда выходит за рамки его собственной практики.

Всякий раз, когда речь идет не о юрисдикции в территориальных границах правопорядка государства — участника Конвенции, юридически неправильно говорить о применении Конвенции *ratione loci*. В этом вопросе я ссылаюсь на свое особое мнение, изложенное в вышеупомянутом решении по делу *Лоизиду против Турции*, а также на решение Комиссии от 12 марта 1990 г. по вопросу приемлемости заявления № 16137/90, касающегося применения Конвенции к Гонконгу (D.R. 65, с. 334 и далее).

В своем решении от 26 мая 1975 г. по делу *Кипр против Турции* (6780/74 и 6950/75, D.R. 2, с. 136) Комиссия выразила аналогичное мнение. Это решение ясно показывает, что в подобном случае речь идет не о применении Конвенции *ratione loci*, а о применении ее *ratione personae*.

Такой подход разъяснен и углублен в ряде других решений Комиссии, в которых она высказала мнение о том, что действия должностных лиц, в том числе дипломатических и консульских работников, “передают индивидуумов и собственность под юрисдикцию государства в такой степени, что эти должностные лица начинают осуществлять власть в отношении индивидуумов и собственности (заявление № 17392/90, D.R. 73, с. 193 и заявление № 7547/76, D.R. 12, с. 73).

В решении по делу Дрозда и Янусака Суд, после того как он выразил мнение о том, что Княжество Андорра не является “общей территорией... Французской Республики и Королевства Испании, равно как и ...французско-испанским кондоминиумом”, пришел к выводу об отсутствии юрисдикции *ratione loci*. Только после этого Суд вернулся к вопросу, существовала ли юрисдикция *ratione personae*.

В своем докладе по делу *Крисостомоса и Папакрисостому* Комиссия констатировала: “Рассмотрев описанные выше события и не обнаружив доказательств непосредственного участия турецких властей в задержании заявителей и в судебных разбирательствах против них после их задержания 19 июля 1989 г., Комиссия не видит оснований возложить на основании Конвенции на Турцию ответственность за указанные факты” (см. п. 170 доклада Комиссии).

Настоящее судебное решение порывает с предыдущей практикой, поскольку, решая вопрос, имела ли в данном деле место юрисдикция *ratione personae*, в решении бесосновательно используются критерии для опреде-

ления того, имелась ли юрисдикция *ratione loci*. Таким образом, впервые Суд основывает свое решение на положениях международного права, что выходит за пределы компетенции Суда, как она определена в Конвенции. В данном решении Суд проецирует правовую систему Турции на правовую систему северной части Кипра, не заботясь о политических и юридических последствиях такого подхода.

3. Я хочу еще раз подчеркнуть, что северная часть Кипра не только не подпадает под юрисдикцию Турции, но там существует суверенная в политическом и социальном отношении власть, независимая и демократическая. Не имеет особого значения, является ли это государство юридически признанным мировым сообществом. Решающий элемент при применении Конвенции — фактическое и содержательное положение дел. Комиссия и Суд неоднократно констатировали, что понятие “юрисдикции” в том смысле, как оно понимается в статье 1 Конвенции, охватывает как юрисдикцию *de facto*, так и юрисдикцию *de jure*. В северной части Кипра отсутствует правовой вакуум как *de jure*, так и *de facto*. Там существует политически организованное общество, как бы его ни называли и к какой бы категории его ни относили, со своей собственной правовой системой и государственной властью. Кому сегодня придет в голову отрицать существование Тайваня? Вот почему Комиссия в своем докладе по делу Крисостомоса и Папакрисостому проанализировала существующее в северной части Кипра законодательство как таковое, а не как законодательство Турции, с тем чтобы определить, явилось ли законным задержание заявителей (см. п. 148, 149 и 174 доклада Комиссии).

4. Теперь подхожу к существу проблемы. Я голосовал в поддержку предварительного возражения *ratione temporis* турецкого Правительства, а также против вывода о нарушении статьи 1 Протокола № 1. Как правильно указал в своем особом мнении заместитель председателя Суда судья Бернхардт, прежде чем обсудить два основных аспекта дела, необходимо сделать некоторые замечания общего характера.

Я полностью согласен с той частью особого мнения судьи Бернхарда, где он говорит: “Уникальная особенность настоящего дела заключается в том, что невозможно отделить конкретную ситуацию с заявительницей от сложного исторического развития и не менее сложной текущей ситуации на Кипре. Решение Суда фактически касается не только г-жи Лоизиду, но также тысяч или даже сотен тысяч греков-киприотов, у которых имеется или имелась собственность в северной части Кипра. Оно может также затронуть и интересы турков-киприотов, которым препятствуют в получении доступа к их собственности в южной части Кипра. Наконец, это решение может отразиться и на представителях третьих стран, которым отказывают в возможности посещать те места, где у них тоже есть дома и имущество. Существование пограничной полосы между двумя частями Кипра приводит к... положению, при котором значительное число людей оказывается лишенным доступа к своей собственности и к своему прежнему жилью”.

Конфликт между турецкой и кипрской общинами возник главным образом благодаря государственному перевороту 1974 г., осуществленному кипрскими греками с очевидным намерением образовать союз с Грецией, по поводу чего руководителю кипрского государства было высказано в то время порицание всего мирового сообщества. После упомянутого выше государственного переворота Турция вынуждена была вмешаться, чтобы обес-

печить защиту Республики Кипр на условиях Договора о гарантиях, ранее заключенного между тремя заинтересованными государствами (Турция, Великобритания и Греция). Договор давал этим странам право на вмешательство как по отдельности, так и всем вместе, если того требовала ситуация. Ситуация действительно потребовала такого вмешательства в июле 1974 г. после осуществления государственного переворота. При этом я сознательно не упоминаю кровавые события и инциденты, постоянно происходящие в стране начиная с 1963 г.

Применение соответствующей статьи Договора о гарантиях изменило предшествующую политическую ситуацию на Кипре и увековечило разделение двух общин, которое наметилось уже начиная с 1963 г.

Я полностью согласен с судьей Бернхардтом в том, что после государственного переворота 1974 г. в кипрскую драму был вовлечен ряд других действующих лиц и событий, в том числе “перемещение населения с севера на юг и с юга на север страны”. Далее г-н Бернхардт продолжает: “Результатом стало создание своего рода “железной стены”, существующей в течение вот уже более двух десятилетий. Ситуация на границе контролируется силами Организации Объединенных Наций. Все переговоры или попытки проведения переговоров по вопросу объединения Кипра до настоящего времени безуспешны. Кто несет за это ответственность? Лишь одна сторона? Можно ли дать ясный ответ на этот и ряд других вопросов, а также сделать соответствующие выводы с учетом действующих правовых положений? Дело г-жи Лоизиду не является следствием конкретных действий турецких военных властей, направленных против ее собственности или свободы передвижения. Это — последствие создания границы в 1974 г. и ее закрытия до настоящего времени”.

После создания буферной зоны под контролем войск ООН всякое передвижение людей с севера на юг и обратно было запрещено. Оно происходило только с обоюдного согласия турецких и кипрских властей. На таких условиях 80 000 кипрских турков переселились с юга на север Кипра.

Должен еще раз подчеркнуть, как я уже упомянул в начале этого особого мнения, что в данном деле мы столкнулись с политической ситуацией. Поэтому невозможно отделить политические аспекты дела от его правовых аспектов.

Настоящее дело имеет и другие политические аспекты для нашего Суда. Решение Суда, несомненно, будет иметь последствия для будущих дел, истоки которых ведут к периоду Второй мировой войны, к новым государствам — членам Совета Европы, таким как страны Центральной и Восточной Европы, где в прошлом существовали коммунистические режимы.

Турция признала и признает юрисдикцию Суда лишь в отношении событий, происшедших после 22 января 1990 г. Это ограничение исключает все юридические решения, относящиеся к событиям, происшедшим до этой даты, даже если они были несовместимыми с обязательствами государства-ответчика в рамках Конвенции.

Органы Конвенции согласились с понятием “длющихся нарушений”, т. е. нарушений, которые начались до некоторой переходной даты и продолжаются после нее. Однако если руководствоваться данным понятием, то совершенно необходимо определить сферу и пределы его применения. В случае заключения индивидуума в тюрьму или незаконного захвата земель, кото-

рые имели место до и после этой даты, ни у кого не вызывает сомнения то, что постоянное нарушение действительно имеет место, равно как и то, что период времени после переходной даты подпадает под юрисдикцию Суда. Подобно судье Бернхардту, я считаю, что в настоящем деле ситуация складывается несколько иначе, поскольку определенные исторические события привели “к таким обстоятельствам, как, например, закрытие границы, что в целом ряде случаев обязательно вызывает нежелательные последствия”. Если это было бы иначе, то органы Конвенции столкнулись бы с трудной задачей пересмотра исторических событий через много лет после того, как они имели место, а также с проблемой наделения положений Конвенции обратной силой.

В деле *Лоизиду против Турции* именно существование буферной зоны, т. е. своеобразного пограничного района, охраняемого силами ООН совместно с силами безопасности обеих общин в соответствии с заключенными между ними соглашениями, не дает возможности грекам-киприотам, живущим в южных районах Кипра, получить доступ к их собственности, находящейся в северной части Кипра, а также поселиться в этом районе. Создание такой буферной зоны, которое имело место до 1990 г., т. е. до того момента, как Турция признала юрисдикцию Суда, явилось разовым актом, который *de facto* “заморозил” политическую ситуацию в этом районе. Поэтому в данном случае мы не сталкиваемся с “длящейся ситуацией”, как считает большинство членов Суда. Следовательно, речь не должна идти о “длящемся нарушении”. Именно такого мнения придерживалась Комиссия, когда в своем докладе она утверждала следующее: “Заявительница, которая была арестована при пересечении буферной зоны вместе с другими участниками демонстрации, требует, чтобы ей было предоставлено право свободно передвигаться по всей территории Кипра, независимо от существования буферной зоны. Свою жалобу она основывает на том, что в северной части Кипра находится принадлежащая ей собственность”. Далее в докладе говорится: “Комиссия признает, что ограничение свободы передвижения (в результате лишения лица свободы или наличия определенного статуса у конкретного района) может косвенно коснуться и других вопросов, например, таких, как доступ к собственности. Однако это не означает, что лишение свободы или ограничение права доступа в некоторые районы страны непосредственно нарушают права, гарантированные статьей 1 Протокола № 1. Иными словами, право на беспрепятственное пользование своим имуществом не включает в себя право на свободу передвижения”. Соответственно Комиссия делает вывод о том, что в данном деле отсутствовало нарушение статьи 1 Протокола № 1 Конвенции (см. доклад Комиссии по жалобе Титины Лоизиду против Турции, п. 97, 98 и 101).